ТРАПЕЗА
МЯТЕЖНИКА
ДЭВИД ЛАЗБА

Дэвид Лазба

Трапеза Мятежника

«Издательские решения»

Лазба Д. З.

Трапеза Мятежника / Д. З. Лазба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749893-1

«Трапеза Мятежника» — аллегорическая повесть о путешествии людской сущности по просторам бытия.Д. — одинокий молодой герой — выступает в роли яростного критика окружающего социума, разбивая его шаблоны. Замкнувшись в себе, Д. искусно приготавливает трапезу, используя ингредиенты собственного разума.И каждый, кто не устоит перед соблазном вкусить эту пищу, будет приговорен к вечной погибели.

ISBN 978-5-44-749893-1

© Лазба Д. З.

© Издательские решения

Содержание

1 6
2 9
3 10
4 12
5 14
6 17
7 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Трапеза Мятежника
Дэвид Лазба

Vita est ars moriendi

Все началось неправильно.
И конец предвещает быть еще более неправильным.

© Дэвид Лазба, 2017
© Сергей Веденский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-9893-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

На похоронах бабушки – невыносимо. Она не желала ни погребального обряда, ни панихиды, ни речей, по той причине, что всю жизнь являлась ярым скептиком, не доверяющим религиям с их разнящимися аксиомами.

Здесь нет священника или кого-то напоминающего его, лишь пару неволей сопричастных персон: сестра бабушки, с которой та не разговаривала на протяжении десяти лет; ее дети, у которых никогда не возбуждался интерес к жизни кровной тети; их отец, не имеющий понятия, что здесь вообще забыл (он вечно посматривает на свой вибрирующий телефон и приходит в бешенство от того, что не может ответить); старая подруга, с которой мне довелось познакомиться лишь сегодня; и, собственно, я – единственный ее друг и враг.

Молчание. Иногда одиночные выдавленные из себя всхлипывания. Мне настолько плохо, что все эмоции испарились, оставив лишь небольшое облако безразличия. Я неторопливо брожу вокруг гроба, дожидаясь, пока батраки, наконец, выроют яму в земле и ввергнут туда гроб с телом. И все-таки не получается до конца поверить во все это. Будто не взаправду мы тут собрались. Разыгрываем какой-то глупый спектакль, просто дурачимся. Эх, если бы.

Не знаю, как назвать то, что вырастает во мне при виде этого бледного тела. Образ, застывший на лице умершей, наталкивает на мысль о том, что, расставаясь с жизнью, она узрела некую истину, подвергшую ее в мирскую грусть, причем столь сильную и разъедающую, словно это должно воплотить и сделать зримым тайные муки и страдания множества людей, ушедших на тот свет.

В конечном счете, муж сестры срывается, делает шаг назад, разворачивается и уходит прочь, все-таки отвечая на звонок. Я провожаю его пронзительным взглядом, но ему нет никакого дела до того, что тут происходит. Мало того, что он даже не попросил прощения, так еще и громко разговаривает, размахивая руками, а затем резко начинает хохотать. Всем становится откровенно стыдно за его необузданность. Своим куцым умом он, вдруг, соображает, что напрасно рассмеялся, но, видимо, звонок донельзя значимый. Это, по всей видимости, его начальник, перед которым он готов прыгать, как собачонка, лишь бы угодить и польстить ему.

Яма вырыта и можно приступать к погребению. Но, вдруг, подруга бабушки решается на повторное прощание: подходит к телу и, хлюпая носом, произносит:

– Она была чудесным человеком! Царство тебе небесное! – Затем целует в лоб и возвращается на место, бросая на меня вопросительный взгляд, дескать, не хочешь и ты чего-нибудь хорошего сказать. Но нет. Мне нечего говорить. И тебе не следовало.

На похоронах я впервые. Немало знакомых и родственников ушло из жизни за последние пять лет, но ни на одних прощаниях я не присутствовал, дабы не выглядеть так же отвратительно, как и все, собравшиеся здесь. Как это называется – проявление уважения в последний раз? Где их носило при ее жизни? Уже не важно. Они попросту пытаются отдраить свою запачканную совесть, если та у них, конечно, еще имеется. А, вообще, сомневаюсь. Множество людей ее роняют и даже не разыскивают потом. Эта утрата им на руку.

– Брат, помоги! – Требует у меня рабочий. – Подержи эту веревку. Только, смотри, держи крепко.

Я повинуюсь, ухватываюсь посильнее.

– Отпускай потихоньку! – Распоряжается другой.

Мы медленно погрузили тело бабушки в землю. Я отпустил веревку и глянул в пропасть. Надо было ее кремировать.

– Спасибо. – Говорят рабочие.

– Спасибо. – Говорю я.

– Спасибо. – Говорит семья сестры.

Мы сухо прощаемся. Неловкость зашкаливает. Но у них, не у меня. Мне все равно. В моих глазах опустошенность. Очевидно, они замечают это, но делают последнюю попытку – предлагают подвезти до дома, но я, конечно, отказываюсь. Пройдусь. К счастью, мы с бабушкой жили неподалеку отсюда, где-то в двадцати минутах ходьбы.

– Еще раз соболезную. – Подходит ко мне подруга бабушки.

– Спасибо.

– Если тебе что-то понадобится, обращайся!

– Огромное спасибо.

Она тоскливо улыбается и ступает прочь. «Обращайся», ха-ха, куда обращаться? Я вижу тебя первый и, надеюсь, последний раз.

Из-за деревьев выкатилось заспанное солнце и затопило ярким светом все пространство кладбища. Я продолжаю стоять, сосредоточенно всматриваясь в то, как рабочие закапывают мою бабушку. Так хладнокровно, почти сурово. Это их работа. Подумать только – хоронят людей и получают за это деньги. Интересно, когда они перестали что-либо чувствовать к тем, кого впихивают в верхний слой земной коры? И были ли чувства вообще? М-да, тошнотворно все это.

Один из них замечает, что я наблюдаю за ними и шепчет своему напарнику что-то на другом языке, кивая при этом в мою сторону. Теперь они оба останавливаются и впиваются в меня глазами, как бы намекая на то, чтобы я проваливал отсюда. Я мысленно приказываю им: «продолжайте работать, грязные илоты – в вашу обязанность не входит смотреть по сторонам и, тем более, разговаривать. Мертвец сам себя не закопает». Мое выражение лица постепенно ожесточается, я не свожу с них глаз. Жаль, у меня нет кнута в руке, я бы непременно стегнул их им. Каким-то образом они улавливают эту мысль, призрачно ощутив страдания предков, и по привычке испугавшись, возвращаются к своей работенке.

Мне окончательно надоедает наблюдать за этой картиной, и я ретируюсь. Интересно все-таки, как будут проходить мои похороны. Увижу ли я их? Да и кто вообще ими займется? Кто на них придет? Впрочем, у меня вся жизнь впереди и, может, я встречу того, кому придется меня хоронить или, на худой конец, хотя бы присутствовать на прощаниях. Не всегда же мне этим заниматься. И еще – если кто-то захочет сказать про меня пару слов, надеюсь, он додумается придумать что-то вроде: «Д. был очень веселым парнем. Он постоянно смеялся и шутил» – это единственное мое пожелание. А в какой гроб, где и как меня будут хоронить – неважно. Я не обижусь, если на моем трупе сэкономят. Все равно все сгниет.

Перехожу сквер народного героя. Его памятник усеян голубиным пометом. Сейчас, в полдень, тут как-то по-другому, не так, как несколько дней назад, ночью, когда я бродил здесь без всякого дела, не добиваясь никаких успехов. Думал о девушках и любви, в целом, – это приятно. И сейчас я так же невольно фантазирую о том, кого и как часто смогу приглашать в гости. Раньше такой возможности вовсе не представлялось. Последние три года бабушка почти не выходила, отбывала заключение в квартире, по причине болезни. Теперь квартира моя, и пару тысяч, которые, оказывается, все это время, хранились в банке, у нее на счету. Ума не приложу, отчего она раньше не ставила меня в известность о них. Но зато теперь – это хороший сюрприз. Не скажу, что я улетел в поднебесье от восторга, нет. Мне паршиво. А квартира и деньги лишь немного сокрушили скорбь или даже напротив, ткнули в воспаленную рану – я еще не определился. Во всяком случае, растрачивая их, я с уверенностью могу сказать, что перед глазами будет стоять алебастровое слегка надменное лицо бабушки. Она была довольно-таки автономной личностью, особенно под конец жизни. Ни с кем не считалась, имела свое трезвое мнение, которое невозможно поменять или хоть немного пошатнуть. Не существовало в мире человека, способного привести ее в восторг или как-то зажечь. Ее вдохновляли лишь деньги, вкусная еда и сериалы, над тупостью кото-

рых, она смеялась так, как ни от чего другого. Громко и искренне. К чужим проблемам относилась очень холодно, над любовными неудачами – надсмехалась, а когда ей жаловались на здоровье, она, молча, натягивала штаны до ляжек и демонстрировала свои отечные мучимые варикозом ноги. Я иногда представлял ее на своих похоронах, всю в черном с сухими безжалостными глазами, в которых циркулируют слова: «Я же говорила тебе…» Это излюбленная фраза, которой она всякий раз, когда я угождал в очередную передрягу, презрительно швырялась в меня, точно острым дротиком.

Да… Я буду скучать по тебе, бабуля.

2

Никто теперь не будет дожидаться меня здесь, в этой сиротливой однокомнатной квартире. Больше никакого вкусного ужина, после работы; стиранной и глаженой одежды; хохота, оглушающего не только меня, но и весь дом; стонов от боли.

Ее больше нет. Я погрузился в абсолютное одиночество. Теперь и физическое.

Не успев толком раздеться, я вытаскиваю из шкафа громоздкий потрёпанный чемодан, и принимаюсь запихивать в него бабушкины вещи. Все, что попадается под руку: платья, брюки, кофты, куртки, сумки, туфли, стаканы, сервизы, игрушки, ее и родительские старые фотографии, цветки, книги, кувшины. Все это мигом преобразилось в какой-то ненужный хлам – вот оно, имя прошлого. Чемодан очень скоро забивается до отказа, и я направляюсь за следующим.

В итоге все уместилось в два. Я страшно запыхался и, наконец, могу плюхнуться на кровать.

Теперь эта комната практически сходственна с моей заскорузлой душой. Только белые стены и мебель. Никаких цветков, украшений, подставок и прочего барахла. Я оставил всего одну фотографию бабушки, но, думаю, скоро и ее выкину. Прощаться с человеком нужно целиком и полностью, во всех отношениях. И память о нем ни к чему хорошему не приведет, если только к беспомощным и неутешным слезам, да соплям. Но дело в том, что людям нужна трагедия. Всегда и везде. А как только они ее получают – жадно смакуют ею. До последнего выжимают из злоключения все соки, а затем брызжут своей скорбью на всех подряд, выставляя ее напоказ. Сострадать таким людям – недопустимо.

Но вот, какой вопрос меня по-настоящему волнует – куда она отправилась? Вероятно, наконец-то, вышла за пределы физической вселенной. Но слышит ли она меня сейчас, умеет ли читать мысли? Витать, перемещаться во времени? И существует ли на самом деле время? Возможно, оно иллюзорно и связано лишь с сознанием, как коллапсирование волновой функции в квантовой механике.

Давай, предоставь ответы на мои пытливые вопросы. Покажи, что мир и материя не так абсурдна, как кажется. Дай мне знак, заставь почувствовать какую-то энергию, сконцентрированную в медленной вибрации. Я вытягиваю руку и ожидаю чего-то, подобно наивному ребенку, но ничего не происходит. Что ж, раз от умерших никакого толку на Земле нет, то я надеюсь, что они не видят меня. Я очень не хочу этого, потому что если жизнь после смерти все-таки существует, то и суть всего земного там тоже постигнуто. А это означает, что в ваших глазах все мои мысли и поступки – сплошная нелепость, ибо вы перешли на другой уровень. А что имеет смысл на одном уровне, может потерять его на другом и стать бессмысленным. Однако я и без вас знаю, что во многом не прав. Но остальной мир еще в большем заблуждении, не так ли? Мир, который мы сконструировали у себя в голове – в корне отличается от реального мироздания. Но что нам еще остается делать? Отвратительное Эго общества перестало нуждаться в поиске и познании истины. Оно лишь выдумывает новое, абсолютно бредовое, слепляя одну религию с другой, вырыгивая новые нормы поведения, за счет которых цепи рабства лишь крепнут, однако, единое вульгарное восприятие нашептывает, будто свобода настолько близка, что нужно лишь протянуть руку и дотронуться. А тот, кто в одиночку отправляется путешествовать в поиске чистой, святой правды, в итоге, теряет дорогу, падает на мосту между истиной и измышлениями, и стонет, валясь с остальными. Теми, кто уже отстонал свое. Теперь они просто лежат, изредка, мыча.

Ладно, нужно сходить выбросить мусор.

3

Я приобрел черную краску и малярную кисть, хочу порисовать что-нибудь на этой пустой белой стене. Никогда раньше такого не делал, но всегда имел большое желание. Эта идея несет в себе одновременно двойной характер – разрушение и творение. Даже не знаю, что мне нравится больше. Уничтожая что-либо, ты ощущаешь некое высвобождение. Впервые я почувствовал это, когда подрался. Один пацан весь пятый класс бесконечно донимал меня, и, решившись, я сломал его. Повалил на землю и выбил из гада всю дурь. С тех пор я понял, как находить общий язык с ровесниками и, в целом, парнями. Затем я отправился на секцию боевых искусств и осознал там, что причинять боль людям – плохо, но занимаясь этим, развивая тело, характер и умения, я нивелировал зло, присущее насилию, преобразовывая с минуса на плюс. И в итоге окончательно разрушил в себе желание драться, применяя навыки причинения насилия для собственного развития. По большому счету, агрессию испытывают лишь трусливые люди, не уверенные в своих силах, пытающиеся доказать всем обратное: как мопс, лающий на волкодава. Обретая силу, пропадет боязнь показать свою слабость. Сколько я видел драк – всегда дерутся люди, которые не умеют драться. Но самое смешное в том, что нам на данном этапе развития уже незачем испытывать страх, хотя политика и религия нас в этом старается переубедить. Исходя из этого – разрушающий что-либо, чаще всего, боится. А тот, кто что-то создает? Боится ли он? Страх везде и всюду. Мы родились в нем, вышли из него и следуем в него. Он всегда видоизменяется и проявляется в абсолютно разных сферах нашей жизни. Порой, мы даже не подозреваем о том, что боимся, выдаем это состояние за другое, иногда положительное, потому что оно влечет за собой некую реакцию, которая часто помогает в решении той или иной проблемы. Как в случае с дракой: ты бьешь, потому что боишься получить первым по лицу, проиграть. И агрессия, порождаемая страхом, помогает тебе. Но факт – ты надул в штаны, потому что опять же недостаточно силен в этой области.

Макнув кисть в черную бездну краски, я замахнулся и осыпал стену ядовитыми каплями. Это выглядит подобно вселенной в начале ее создания. Продолжив эту воображаемую линию в прошлое, я нафантазировал, что когда-то в мире были только звёзды и мы – это дети звёзд. Получается, в самих звёздах и даже в пустоте, предшествующей созданию нашей вселенной, уже заложено появление самоосознающей жизни при благоприятных условиях. Выходит, мы не более живые, чем звёзды. Но глупо сравнивать себя с Богом, хоть я и творец этого сюрреалистического портрета.

Я подошел ближе, и все напросилось само – сначала глаза, затем хмурые пышные брови, крючковатый нос и улыбка до ушей, которые я нарисовал последними. Мне понравилось. Я снова макнул и принялся вырисовывать волнистые линии справа и слева от лица. Океан. Хочется продолжать, но кажется, что все на своих местах и, дополнив что-то, я нарушу минимализм, который очень хочется сохранить.

Я присел, любуясь своим творчеством, но вскоре стало как-то необычайно и неприятно одиноко. Захотелось разделить эту минуту хотя бы с каким-нибудь животным. Пусть это даже будет маленький хомячок. Или нет, не стоит – за ними нужно убирать фекалии и кормить, не хочу быть ответственным за чью-то жизнь. Когда впервые заводишь животное, кажется, будто оно что-то понимает, умеет рассуждать. Ты рассказываешь ему о своих переживаниях, изливаешь душу, а оно смотрит на тебя такими, казалось бы, умными выразительными глазами и становится немного легче. Однажды у меня был кот, и как-то раз я сказал ему:

– Друг, если ты понимаешь меня, тронь мой палец. – Я поднес руку прямо к его мордочке и повторил. – Тронь меня, если понимаешь, что я говорю. Ну же!

Но он не тронул. Словом, бестолковые для человека существа. С ними приятно играться, когда они маленькие и легко любить. Но как вырастают – это наглые и ленивые недохищники, которые то ли не понимают тебя, то ли слишком презрительно к тебе относятся, чтобы как-то отвечать.

Может, тогда девушку завести? Если только она не пропишется здесь на постоянное проживание, а то я свихнусь от бытовщины и повторного захламления моей обители. Хотя об этом рано думать. Сначала нужно уволиться с работы.

4

Я всегда до мозга костей ненавидел обучение. С первого класса. Казалось, что вещи, которые нам преподают – хлам, предназначенный для того, чтобы в будущем сделать из нас рабов системы, бездумно служащих на благо страны. А самое гадкое то, что большинство это понимает и добровольно на все подписывается, то ли выбора не имея, то ли храбрости, не знаю. Другая часть: те, кто не понимает этого – у них слабоумие, и им нужна помощь.

В школе нас не учат освоению жизни, нет. Только науки, непонятные стихотворения и чтение книг, в которых написано то, что ныне не актуально. Ребенку непросто выучить и принять все это барахло в таком раннем возрасте. Ему нужны азы жизни, а не математики с физикой. Он хочет знать, как ему вести себя с девчонкой, которая нравится, а не сколько получится, если косинус сложить с синусом. Его необходимо приготовить к тому, что в этом мире ничего нельзя удержать, и возможны очень частые потери. Дед Мороз – это в лучшем случае твой отец, вырядившийся в дурацкий костюм, в худшем – воспитательница детского сада, у которой отклеилась борода. Деньги – это штуки, ради которых ты учишь и делаешь то, что тебе не нравится, возможно даже, ненавидишь. Игрушки ломаются, любовь проходит, люди умирают, и в конце – умираешь ты. Что будет после смерти – придумай сам.

Некоторые считают, что учить жизни должны именно отец с матерью, дескать, это их забота. Может быть. Но, на самом деле, большинство родителей ровным счетом ничего не делают, кроме как кормить и говорить: «заткнись там-то там-то», «делай, как тот или этот», «слушайся его и не слушайся этого». Получается сплошное перекидывание обязанностей: мать на отца, отец на мать, оба на учебу, а она просто смывает все в канализацию, потому что идея обучения заключается не в том, чтобы сделать из ребенка человека. Нет. Стране не нужны ваши мысли, какие-то креативные идеи, напротив – этого боятся и пытаются заклевывать на корню. А нужны такие, которые будут хорошо выполнять свою работу, причем безоговорочно и за гроши. Запуганные, как псы, дураки – вот кто нужен.

И это, к счастью или сожалению, не тот случай, когда можно сказать: «У него были такие родители, вот он и думает, что все подобны им». У меня их вообще нет, и не было никогда. А бабушка в мое образование особо не вмешивалась и, слава Богу. Однако, как и все остальные дети, я посещал школу, но без особых успехов. Был круглым троечником, почти двоечником. И самым ненавистным предметом была математика. Я даже имел собственный девиз: «Долой арифметику. Реален только ноль».

Директор постоянно вызывал мою бабушку в школу, но в один прекрасный день она послала его, и меня, вскоре, выгнали. Тогда я попал в другой питомник, окончил его и даже поступил в высшее учебное заведение, наивно полагая, что там совершенно иные люди и образование. Но это был один из самых неверных шагов в моей жизни. Эта не та ошибка, которая полезна, нет. Она долговременна и ни чему хорошему не учит. А поступил я на инженера-технолога и только потому, что заранее знал – на этой специальности полно заблудших дураков. У меня была возможность поступить в гуманитарный университет, однако, там каждый корчит из себя мудреца, почти все горделивы, вечно соревнуются между собой, страдая эгоцентризмом. Но в целом, они ни чем не отличаются от тех, кто учится в технических училищах. Я посчитал, что такие люди зловредны, и лучше иметь дело с тихой тупостью, нежели с буйной. Мне просто не нравится спорить. Дискуссировать о чем-то, спокойно, доброжелательно и без твердого намерения переубедить – другое дело, но спор – это диалог между двумя тазиками с мочой. Тем не менее, даже в моей группе, мне не удалось избежать таких разумников, с которыми поначалу не получалось не конфликтовать. Я просто не выдерживал. Они, порой, говорили настолько дубово-изъезженные фразы, что я впа-

дал в ступор и не находил подходящего ответа. Разумеется, от этого они чувствовали себя победителями и их самолюбие, на глазах, жирело.

Обучение ни у кого не вызывало особого интереса. Тем не менее большинство делало поистине заинтересованный вид, особенно девушки – они конспектировали каждое слово, отвечали на любой вопрос преподавателя и, конечно, не упускали возможности как-то подольститься к нему.

Все они видели, что для меня их сущность всего-навсего пустой запачканный аквариум и поэтому, впадая в тихую ярость, вечно искали повод зацепиться со мной, попытаться унизить. В своих выражениях были очень грубы, порой, меня это даже удивляло. Почему они меня так ненавидели? Как я уже говорил: для меня они были прозрачны, я видел их истинное лицо. Но, несмотря на это, мне не хотелось вражды. Я множество раз пытался улучшить с ними отношения, и это никогда не увенчивалось успехом. В итоге, после очередной нелепой претензии ко мне, я высказал свое мнение, надолго их заткнувшее. А сказал я следующее:

– Вы не девушки. Вы простые хабалки. Ведете себя, как мужики, а то и хуже. Я давно бы вас избил, но, увы, не поднимаю руку на слабых. А вот ваш муж, скорее всего, будет избивать вас ежедневно, ну, или он будет подкаблучником, облизывающим вам пятки. Нормальный с вами не свяжется никогда.

От этого они сильно покраснели и надулись, но ответить ничего не смогли. Конечно, ведь правда буквально задушила их. А парни над этим посмеялись. Может, им и было смешно, но лишь наполовину. На другую половину они просто не хотели со мной связываться, зная, что с ними-то я церемониться не буду точно.

В общем, я долго терпел это: вставал каждое утро и тащился в место, где происходила деградация, по сравнению с тем, как бы умственно я мог просветиться от сна и самообразования.

Как люди спокойно сидят на лекциях, семинарах и мирятся со всем этим калом, который вкачивают им в голову? Я никогда не слушал преподавателя, всегда приходил на пары с книгой и читал ее весь день, а когда откладывал, все равно продолжал читать – свои мысли. Неужели не понятно, что групповое обучение – это билет в прозябание, оно придумано намеренно, чтобы лишить нас молодости. Большинству профессий, преподаваемых в ВУЗах, можно научиться за полгода или максимум за год. Кто-то скажет, что каждый вправе выбирать, чем ему заниматься, и никто никуда никого не тащит. Но это не так. Нас запугивают со всех сторон, а это самое страшное и эффективное, что вообще может быть.

Я пытался смирять себя и бороться с негативными мыслями, но никак не получалось. Все чаще, по утрам, открывая один глаз, я задавался вопросом: «Ехать мне в эту клоаку или нет?» Ответ я получал в ту же секунду: «нет», и не вставал, представляя, как мои одногруппники волочатся в университет, и засоряют голову, запрограммировав себя на то, что принимаемый ими мусор – полезные знания, которые пригодятся им в будущей работе. Вернее, рабстве. С этим, возможно, мало кто согласится, потому что многие скудны в своих размышлениях, они не могут позволить себе думать шире, думать об истинной свободе, а не верить в иллюзии.

В итоге, я перестал посещать занятия и меня, конечно же, отчислили. И это был одним из лучших дней в моей жизни. Бабушка сказала: «Теперь, иди работать», и я пошел. Сменил кучу работ: с каких-то увольняли, с большинства уходил сам. Меня вполне устраивала такая непостоянная жизнь паломника. Рутина была и будет всегда, но она хотя бы не держала меня за горло, передавала из рук в руки, не успевая придушить, как следует.

Сейчас – я дизайнер, верстающий полиграфию. Придумываю дизайн, готовлю его к печати и проверяю готовые макеты, которые присылает заказчик. Хотя, нет, больше я не дизайнер. Только что уволился.

5

На обратном пути, я захожу в закусочную, выпить чашку чая с чем-нибудь вкусным. Старый товарищ без остановки звонит уже в пятый раз. Видимо, он узнал, что у меня умерла бабушка и считает своим долгом – достать меня. На шестой вызов я все-таки отвечаю:

– Алло?

– Здарова, Д.! Ты как там? Слушай, я слышал, у тебя бабушка умерла!?

– Да.

– Ох, прими мои соболезнования! Я зайду как-нибудь, хорошо?

– Как-нибудь, да. Я наберу тебе, когда немного отойду.

– Дружище, с этим в одиночку не справиться, нужна поддержка! Принесу выпить что-нибудь, посидим, поболтаем.

– Все в порядке, не переживай. Я в норме. Она ушла не внезапно, так что… Я справлюсь.

– Ладно. Ты звони, если что!

– Обязательно. До связи.

– Давай, брат. Пока.

Даже немного смешно стало от этого разговора. Никогда еще этот тип не бывал таким добросердечным. Всегда смеялся над смертью, порой казалось, что он конченная бесчувственная скотина. Может, так и есть, просто, к счастью, имеет мизерное воспитание от родителей-алкашей. Это один из тех случаев, когда дружишь с человеком, думая, что просто должен с кем-то общаться, подобно другим нормальным людям. Но теперь больше нет смысла врать ни ему, ни себе, никому вообще. Я потерял всех, кого только мог. И это придало мне неземную свободу. С детства одиночество постепенно обволакивало меня, подобно жидкости. Я задыхался, но теперь отрастил жабры и с легкостью могу дышать, играючи исследуя все глубины и высоты этого бесконечного океана.

Мне нравится эта закусочная, в будни здесь практически безлюдно и можно спокойно посидеть у окошка, наблюдая за секундами жизни людей. Пустые лица мечутся то туда, то сюда. Бесцельно. Им кажется, что у них есть цель, но это мираж. Глупо жить завтрашним днем. Он – бескрайность, которая не уползает из-под ног, ты на ней даже не стоишь, просто семенишь вперед, воображая дорогу. Но если не планируешь вечность, то зачем планировать завтра?

Почти всех барышень я приводил именно сюда. И ни одна не заказывала больше, чем кофе – не то от скромности, не то от вечной никчемной диеты. Я уставал от этих свиданий, но без них становилось необыкновенно скучно. В основном, все проходило одинаково: идентичные вопросы и ответы. Редко у кого-то имелись интересные мысли или увлечения. Некоторые пытались умничать, выделяться из серой массы, но эта попытка обнаруживалась слишком явной. Желание казаться неординарной превращало юную особу в примитивную собаку. Это частый случай. Люди сжирают расхожие мнения, переваривают их, затем пихают пальцы в рот, выпускают все наружу и показывают на это, говоря, что вот их собственное мнение. Давайте, пляшите, тужьтесь, плачьте, нападайте, хохочите, вылезайте из кожи вон, дабы показаться не такими, как все – это не освободит вас.

Без девушек невозможно жить – они одно из лучших творений на Земле. Я влюблялся с первого взгляда множество раз, но стоило только заговорить с понравившейся девушкой, как у меня наполовину, если не больше, пропадал к ней интерес. В большинстве случаев, они всем видом показывают, что их нужно добиваться, бегать за ними, дарить подарки, засыпать комплиментами, хотя сами обыкновенные гуляющие бабы, в которых побывало уже сотни грязных мужиков. Трофеи. Нормальная дама никогда не будет вести себя, как

товар. Благо они всё чувствуют: если говорить в лоб, спокойно и честно – тебя поймут. Они такие от безысходности, обделённые женственностью, точнее потерявшие её из-за различного негатива в жизни. Инициация в гуляющую бабу происходит так: женщина плачет перед зеркалом, у неё течёт тушь, а она повторяет: «я сильная!» Погибшие, но милые существа. И, конечно же, многие скажут, что в этом вина мужчин. Но ведь существуют другие девушки. Хорошие, правильные, чистые. Чем они руководствуются? Почему влияние мужчин и проституток на них не подействовало? Они остались женственными и открытыми для неподкупной любви, не являясь при этом бестолковыми швабрами. Подарки нужно заслужить, как и чувства, ясно? Недостаточно быть просто красивой. Достаточно быть просто развитой, кроткой, стеснительной, но не трусливой – вот только в таком случае можно быть не красивой. Но кому такая нужна? Даже мне не нужна. Это необратимо и до боли печально. Я могу и хочу бороться со всем, чем только можно, но с этим, кажется, невозможно. Кто-то давным-давно классифицировал людей на красивых и некрасивых. Это прижилось и живет по сей день, как бы общество не пыталось это изменить, оно лишь делает хуже, абсолютно всегда. Но я знаю правду и мне дана жизнь для того, чтобы развить и принять ее, хотя бы в своем собственном разуме. Все мы одинаковые. Если собрать камни, лежащие у океана, и пару десятков людей, вывернуть их наизнанку, разложить все их жизни, как карту и разглядеть характер, мысли, поступки, окажется, что они ни чем не разнообразнее простых камней с пляжа. Причем и внешне, и внутренне. Наши отличия незначительны, и конец наш – такой же, как у этих камней, а то и хуже.

Мне принесли кофе с двумя блинчиками, политыми шоколадом.

– Приятного аппетита. – Игриво желает мне официантка.

Я думаю: «Спасибо», но забываю озвучить это. Она удаляется. Мое сознание где-то витает, только не могу понять где. Почему я не могу схватить за хвост настоящий момент, бахнуть его об стол и оглушить, успокоить? Не получается наслаждаться этим кофе с блинчиками. Мыслями я уже в каком-то другом отрывке из своего предполагаемого будущего, пытаюсь придумать, чем буду заниматься оставшееся существование.

Бах! Кого-то только что убили! Бум! Сбили! Куда эти люди, а вернее то, что от них осталось, уходит? Не верю, что после смерти – пустота. Может, мы – это целостное сознание, рассматривающее себя, как массу индивидуумов, и смерти не существует, а жизнь – всего лишь сновидение? Но это настолько абсурдно, что я даже не могу представить нечто подобное. Если все вокруг сон, какого-то одного организма, значит, умирая, мы попадаем в следующую точку сна или проваливаемся в небытие, а не просыпаемся, ведь умирают частицы. Основываясь на этом, можно спокойно опровергнуть сие предположение, в силу того, что сон не может быть таким скучным и цикличным, как наша жизнь, и не может иметь еще одно сновидение внутри себя. Значит, все, находясь за гранью мироздания, в других определениях – имеет иное название. Да и нет никакой разницы – какое. Все кружится вокруг того, что существует некий Творец, ибо у каждого изобретения есть изобретатель. Мы просто не хотим это признать. Мы без колебаний падаем на колени и подчиняемся простым смертным людям, но не можем себя сломать, признать Бога и повиноваться конкретно Ему. Но где Его найти? Вот я признаю, что Он существует. Я чувствую Его всеми фибрами души, но Он не открывается мне. Где найти тебя, Отче? Покажи путь, ибо я запутался в лже-истинах и постулатах тех, у кого все духовные озарения были из корыстных побуждений, либо спонтанны из-за эндогенного выброса серотонина, либо, благодаря, употреблению психоделических веществ. Я не хочу верить в чью-то идею, которая ведет неизвестно куда, наискосок, возможно даже, водит по кругу. Я желаю встать на тот путь, который приведет меня прямиком к Тебе.

Слишком рано разочаровался в жизни. Все предельно легко: то, чего не желаешь – получишь, и то, о чем мечтаешь – не увидишь. Ненужность. Она словно плед, который невоз-

можно скинуть с себя. Любовь – неосязаема. Не ты первый, не ты последний. Я словно хожу по магазину с вещами, которые уже кто-то носил. Примеряю, затем снимаю и кладу на новое место. И я такой же. Наверное, я носок.

6

За дальним столиком сидят два престарелых вояки. Я и не заметил, как они тут образовались. Один из них явно перенес контузию. Он хмур и время от времени нездорово дергает головой, а разговаривает так громко, что, думаю, его слышат даже на улице. Другой – спокойный, слышит, вроде, хорошо, по крайней мере, не орет и не кривляется, но складывается ощущение, будто он пуст – просто сидит, покачивая ногой, и смотрит сквозь своего камрада, делая вид, что слушает. А тот, не затыкаясь, горланит о каком-то происшествии, пережитом в Афганской войне:

– Он, прикинь, засыпает стоит, а нам-то нужно глядеть в оба, ну и я ему говорю, мол: «Идиот, раскрой глаза! Чего ты дрыхнешь!? Подохнем сегодня и заснем навсегда! Уж потерпи», а он мне говорит что-то типа того, что ему уже все до фени, жизнь не имеет смысла и так далее. А я говорю: «Зато я жить хочу и буду бороться за жизнь до последнего! Уважаешь меня? Тогда помоги мне выжить, а потом, если хочешь, я сам тебя замочу». – Тут он очень громко рассмеялся. – Вот такие мы беседы и вели. – Он снова тряхнул головой. – Эх, было время. А сейчас эти уроды меня вообще ни во что не ставят. Представляешь, им рассказываешь о войне, а эти ублюдки даже не слушают.

Тут, вдруг, его товарищ очень тихо произносит:

– Сам виноват. Чего ты в эту академию залез?

– Один хрен – ничего там не делаю, пинаю этих тупоголовых курсантов, да и все.

– Лучше на войне быть, чем молодых воспитывать.

– Согласен, ч-черт.

Им принесли заказ, они замолкли и принялись за еду.

Я мысленно представил этих двух молодыми, вырядил их в афганку и поместил на войну, с автоматами, пистолетами, товарищами, аптечками, водкой. Что они чувствовали? Какова была их цель? О чем они думали? Пытались ли они разобраться в том, кто прав, а кто нет? За что они убивали и за что пытались выживать?

Я продолжаю фантазировать – бросаю их под обстрел. Они сидят в окопах, пули свистят над головой, тела трясутся, слюни капают, глаза почти не моргают и каждый подсознательно молится: «Хоть бы не я, хоть бы не я». Один из товарищей уже свихнулся или просто перешел на следующую точку нервоза – хохочет, как дурак и не может остановиться. Ему судорожно кричат: «Заткнись, идиот!» Но это не помогает. Наконец, случается взрыв, и все умирают.

Почему мы всю жизнь друг с другом воюем? Все горланят о дружбе, любви и сострадании, но лишь меньшинство действительно стремится к этому. Мир не меняется, потому что никто ничего и не пытается поменять. Все только приспосабливаются.

Кого можно назвать наиболее жестоким убийцей – того, кто стреляет из пистолета или того, кто придумал и собрал пистолет? Великие мастера долгое время трудились над тем из-за чего сегодня столько бед. Придумывали, рисовали, мастерили, испытывали и их задачей было: наиболее лучшее орудие для убийства существа, подобного себе. Но для чего? Сначала война и убийства рождаются в разуме, как у меня около минуты назад, когда я подбросил бедняг в боевые действия, а затем погубил, впрочем, эта война уже состоялась, поэтому я ее не придумывал, а просто воспроизвел по-новой. Однако все рождается от скуки. Даже повторное наступление на грабли – тоже от нее. Маньяк убивает и тем самым утоляет свой голод, но через какое-то время он снова будет алкать, и начнется поиск новой жертвы. Так же и в политике. Мы во власти весьма искусных маньяков, которых, увы, никто не посадит за решетку.

Иной раз смотришь на все, что творится вокруг и думаешь: «Какие же мы идиоты». Все ходят с такими важными лицами, воображают из себя кого-то. Возможно, будь у меня власть над всем миром, я замахнулся бы на него с целью – поразить. Но всего один лик безобидного младенца, появившегося на свет, ради жизни, остановил бы меня навсегда. Как же прекрасно все в начале и как ужасно все в конце.

Если люди, идущие в рай, не лишаются такого состояния, как скука, то они и его разрушат.

7

Мне захотелось побродить в центре города. Давненько я там не бывал. Весна спешит. На улице становится все жарче и жарче. ***День не дышит прохладою, и тени не убегают.*** Я словно гнию под этим вечно молодым солнцем, оно припекает мою голову. Все вокруг ослепительно сверкает. Красиво и намного лучше, чем зимой. Но, кажется, мое восковое тело вот-вот расплавится.

Я скрываюсь в подземном переходе, вползая туда, подобно кроту, спешащему в свой грот. Проползаю дальше, вниз к метрополитену и останавливаюсь посередине платформы, в ожидании поезда. Не так давно я считал это место – миниатюрой ада. Эти бесконечные поезда, проносящиеся мимо твоего носа, наталкивают меня на безумные и одновременно тривиальные мысли: казалось, будто меня вот-вот столкнут на рельсы. Но кому я нужен?

Когда уже попадаешь в вагон, первые пару минут довольно интересно. Глядишь по сторонам в поисках какой-нибудь красивой девушки, а когда находишь, то у поездки появляется некий смысл, отвлекающий тебя от предстоящей учебы или работы. Ты всячески пробуешь поймать ее взгляд, а если ловишь – вкладываешь массу энергии в самую ничтожную ухмылку на свете. И в итоге все старания оказываются напрасными, контакт нарушается. Она отводит взгляд и на протяжении всей дороги всматривается в пол. Потом ты выходишь. Или она. Так всегда. Я беспрестанно выискиваю жертву, для того, чтобы предложить ей сыграть в игру под названием «любовь» и в итоге – сдаться. Это интересная, но чрезвычайно сложная игра.

Поезд приехал. Синий, уродливый. Для меня метро не что иное, как рыболовные сети, забитые тухлыми тунцами. Совершенно пустые лица. Они почти подохли и способны только поворачивать голову, дабы обратить внимание на новых подброшенных рыбешек.

Пару мест свободно, и я присаживаюсь на одно из них.

Через пару станций, в вагон вваливается добавка. Одна тетка сразу подметила меня, подошла вплотную и начала биться об мои колени, намекая на то, что я обязан подняться и любезно уступить место. Я, впрочем, уже и собирался это сделать, однако, она продолжала очень толсто намекать – поставила свою калошу на мои туфли и не собирается даже ее убирать. Я скидываю эту лапу, медленно поднимаю на нее глаза и одним только взглядом спрашиваю: «Чего тебе нужно от меня?» И она ответила: «Место…» А я отвечаю: «Нет. Стой, раз тебя не учили, как себя вести». И она все поняла. Вот так вот просто можно разговаривать глазами. Рядом с ней стоит худой паренек, с тоннелями в ушах, проколотым носом и татуировкой на руке. Глаза бегают, в голове фигурирует единственная мысль: «Как я выгляжу со стороны?» Смешно выглядишь, как еще-то? Некоторые думают, что вытворяя со своим телом всякую нелепость, они бросают вызов всему миру. Уверяют себя в том, что пирсинг, татуировки или идиотская прическа – модифицирует их тело, возвышая над общественными законами и шаблонами. Порой, кажется, будто развращенность стоит на краю, маразм достиг апогея, но нет. Он продолжает прогрессировать. Парни одеваются, как девчонки – всем нравится. Однополый секс – «непосредственность» – говорят многие. Осталось только начать ходить на четвереньках и кушать собственные испражнения. Я уверен, человечество и до этого доползет. Такие люди – самые жалкие жертвы общества. Оно играет свою мерзкую мелодию, а они пляшут под нее, как ослы. Нацепляя на себя различные железки и, набивая дешевые татуировки, ты не становишься индивидуальным. Несомненно, ты попадаешь в новую категорию многообразного сорта фекалий, но никем индивидуальным ты, увы, не становишься. Только подтверждаешь свою ущербность. Перестань бриться и стричься, сними с себя всю чепуху, выжги татуировки, купи бледную однотонную одежку, обратись в это и успокойся. Ты, в любом случае, никому особо-то и не нужен. Возможно, ты скажешь,

что тебе так нравится, и этим всем ты ничего никому не пытаешься доказать. Что ж, хорошо, животное. Ответ засчитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.